

В предлагаемой вниманию читателей статье поднимается проблема методологической рефлексии в ходе этнографического исследования и производства этнографических текстов с помощью анализа полевых дневников. За отдельными исключениями, полевой дневник в социологии сегодня не имеет широкого распространения, производство социологической информации воспринимается вне контекста анализа личных впечатлений исследователя о деталях тех или иных этапов исследования – сбора, обработки, анализа и интерпретации данных. Не призывая социологов к массовому использованию полевых дневников, тем не менее полагаем, что опыт «соседнего цеха» может оказаться интересным и полезным для социологов-практиков, позволит открыть новые грани отношения исследователя к процессу получения и анализа социологической информации.

УДК 39:82-94

А. С. Максимова
АНАЛИЗ ПОЛЕВЫХ ДНЕВНИКОВ В КОНТЕКСТЕ ПРОИЗВОДСТВА
ЭТНОГРАФИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ

МАКСИМОВА Алиса Сергеевна - магистрант факультета социологии Национального исследовательского университета Высшая школа экономики. E-mail: alice.mcximove@gmail.com.

Полевые заметки и дневники являются важнейшей частью этнографии. На их значение обращали внимание многие авторы, особенно активную дискуссию вызвали дневники Б. Малиновского, публикация которых сыграла ключевую роль в становлении современных принципов полевой работы в рамках антропологического или социологического исследования. В то же время способы ведения дневников и заметок, а также их использование для написания итогового академического текста практически не изучаются, а тексты, посвященные анализу таких документов, как правило, носят либо риторический, либо методический характер. В данной статье предлагается рассматривать полевые заметки и дневники как объект исследования, для чего возможно заимствование методологии, разработанной в традиции изучения деятельности естественнонаучных лабораторий.

Ключевые слова: этнография, полевые дневники, Бронислав Малиновский, проблема письма, Карин Кнорр-Цетина.

Полевой дневник может служить средством сбора, хранения и организации данных включенного наблюдения, осуществляемого в ходе полевой работы, однако он носит характер личного текста: это поле, воспринятое и пережитое исследователем. «Исследовательский дневник представляет форму, при помощи которой взаимодействие объективного и субъективного аспекта исследования может быть открыто осознанно и обращено в

© Максимова А. С., 2012

продуктивное отношение» [15]. Дневник участвует в написании конечного текста, но при этом с ним происходят качественные преобразования: он опосредует опыт проживания в чужом сообществе, напрямую или косвенно помогает перевести наблюдение в текст. Дневник может функционировать как средство фиксировать детали полевой работы и как способ «терапии», способ выговориться. Дневниковые записи также используются как материал для методологической рефлексии.

Как замечает К. Гирц, «сложность состоит в том, что явление конструирования якобы научных текстов из биографического опыта, т.е. то, что и делают этнографы, остается совершенно не проясненным» [8, р. 10]. Мы полагаем, что существует связь между опытом, оформленным в виде дневника, и научным отчетом об исследовании. Исходя из этого можно поставить задачу для дальнейшего анализа: охарактеризовать отношение между этими формами репрезентации, выявить, что происходит между полем и академическим сообществом, дневником и научным этнографическим текстом. В основе данной работы лежит идея о том, что к производству этнографического текста можно применить подход, сходный с тем, который используют социологи науки при анализе конструирования научных статей и отчетов об исследованиях.

Принципы этнографии и проблема письма

Начало становления антропологии, пишут Г. Маркус и Д. Кашмен, было обозначено двумя процессами, происходившими в разном порядке в Британии и США: развитием антропологии как академической дисциплины и утверждением периода полевой работы в качестве обязательного элемента исследования. Антропология XIX в. носила кабинетный характер: работы писали на основании чужих данных, полученных в ходе экспедиций, не имевших конкретных этнографических целей. Позже распространяется практика прямого наблюдения. Первый этап истории антропологии Маркус и Кашмен называют этнографическим реализмом, характеризуя его рядом отличительных особенностей. В частности, это попытки тотальной этнографии, полного описания культуры общества; важно и то, что антрополог выступает в роли беспристрастного исследователя, наблюдателя-«камеры». Как правило, рассказчик в тексте отсутствует, повествование ведется от третьего, а не от первого лица, что приводит к парадоксу: «В то время как привлечение всезнающего автора укрепляет ощущение научной объективности, производимое текстом, оно одновременно способствует разрыву между тем, что этнограф знает, и тем, как он это узнал» [12, р. 31–32]. Фрагменты текста, в которых эксплицитно присутствует антрополог-автор, вынесены за рамки основной работы — в приложения и послесловия; исключения встречаются редко.

Второй этап этнографы связывают с разными событиями и персоналиями. Этот этап характеризуется стремлением выйти за рамки доминировавшего жанра, отходом от стандартов этнографического реализма: это период так называемой экспериментальной этнографии. В текстах появляется автор. На возникновение экспериментальной этнографии решающее влияние оказала герменевтическая традиция. Маркус и Кашмен особенно выделяют роль Гирца. Сам же Гирц говорит, что антропология обращается к интроспекции еще в первой половине XX в., но этот подход получает наиболее широкое распространение в современной науке.

Произошедшие перемены связаны в том числе с публикацией дневников Б. Малиновского, которые сильно изменили представление о полевой работе.

Дневник Малиновского (его записи из экспедиций 1914–1915 и 1917–1918 гг.), который велся исключительно для себя и не предназначался для публикации, был издан посмертно женой ученого в 1967 г., более чем через 20 лет после его смерти. Фигура образцового антрополога с изданием дневника была дискредитирована, он предстал перед публикой не в лучшем виде: резкий, раздражительный, относящийся к объекту так, как не подобает ученому относиться к исследуемым — с расистскими и колонизаторскими настроениями. Сообщество увидело в нем человека, чье «чувство общности с людьми, с которыми он жил, было сокращено до предела» [2, с. 16].

Рэймонд Фёрт в предисловии к изданию пишет: «Дневник в строгом смысле слова не может послужить средством чем-то дополнить научные работы Малиновского: в нем не содержится свидетельства о том, как Малиновский пришел к теоретическим проблемам или как разрабатывал методологию, кроме отдельных немногочисленных мыслей, имеющих отношение к исследованию. Зато дневник передает переживания антрополога, которые тот испытывает, проживая в чужом обществе. Исследователь не может полностью принять обычаи и ценности местного сообщества, однако должен иметь с ними дело» [7, р. XV].

Почему дневники Малиновского вызвали такую реакцию в сообществе антропологов, что едва не привели к кризису дисциплины? Стало очевидно, что за рамками этнографии оказывается существенная часть событий. Пришлось признать: тексты, созданные в духе этнографического реализма, вместе с авторством оставляют в стороне взаимодействие исследователя и исследуемых; эмоции, положительные и отрицательные, сопровождающие это взаимодействие; свидетельства о неудачах и описание состояний отчаяния, разочарования и фрустрации. Проблематизируется фигура исследователя, чужака в новом для него сообществе, пытающегося что-то узнать и понять. Во втором предисловии к изданию «Дневника...», написанном спустя два десятилетия после первого, Р. Фёрт поправляется: он признает, что недооценил значение этого текста как инструмента, позволяющего понять, как антрополог одновременно «воздействует на жизнь изучаемого общества и подвергается ее воздействию» [7, р. XXVIII].

Даже по прошествии десятилетий с момента публикации дневниковых записей Малиновского вопрос о том, что из полевого опыта остается вне этнографии, является актуальным. Так, например, Ш. Блэкман [4, р. 700] использует выражение «скрытая этнография» для описания той части полевой работы, которая оценивается как этически противоречивая и вследствие этого оказывается за границами исследования, однако сама по себе требует исследования (он, в свою очередь, предлагает сделать ее предметом анализа социологии эмоций).

Проблема, поднятая публикацией дневника Малиновского, требовала решения, которым отчасти могли стать новые, более интроспективные и рефлексивные, стандарты этнографического письма. Принятие и распространение современного образца этнографии «от первого лица» дало начало обсуждению ряда проблем сообществом этнографов, преимущественно антропологов.

В чем выражается проблема письма? и в каком контексте она обсуждается? На протяжении последних десятилетий ведутся дискуссии о том, что происходит с этнографией, какой она должна быть, какие вопросы можно задать к ней. По сути, это дискуссии о том, как

производится этнографическое знание и что оно собой представляет. Этнография — это прежде всего письмо (writing), конструирование текстов.

Приоритет объективности, свойственной этнографическому реализму, к середине 1980-х гг. постепенно замещается приоритетом рефлексивности. Это становится общим местом и иногда действительно, как пишет Гирц, принимает формы «нездорового эгоцентризма», «в худшем случае носящего ипохондрический характер» [8, р. 1].

Методологические тексты, посвященные тому, как отразить в этнографии все разнообразие иных культур, дать высказаться объекту, объективировать собственные представления, этничность, гендер и т.д., выглядят правомерными, но в некотором роде излишними по количеству и объему. Этнографы проповедуют критический взгляд на вещи, поливокальность, диалогичность и рефлексивность. Распространенной практикой, пишет М. Прэтт [17], становится выпуск работы двойного объема — научной монографии и отдельно рассказа о том, как все было на самом деле.

Перечислим некоторые основные работы, имеющие отношение к дискуссии вокруг «проблемы письма». Одной из наиболее значимых книг в данной области является «Культура письма. Поэтика и политика этнографии» — сборник эссе под редакцией Дж. Клиффорда и Дж. Маркуса [17]. Работы, включенные в сборник, посвящены переоценке основы культурной антропологии и фокусируются на способах производства текстов о культуре, рассматривают этнографию как дискурсивное предприятие.

К числу выдающихся работ относится книга «Tales of the Field» Дж. Ван Маанена [12], где даются характеристики разным видам «полевых рассказов» (tales) — стилям репрезентации, «выбранным для соединения наблюдателя и наблюдаемых» [12, р. XI]. В качестве основных форм изложения автор выделяет реалистические (realistic), исповедальные (confessional) и импрессионистские (impressionist) рассказы. Первые предполагают нейтральное повествование от третьего лица, отсутствие выраженного авторства, опытные основания, ориентацию на объяснение повседневных событий [12, р. 45-49]. Исповедальные рассказы персонализированы и, как правило, не замещают, а дополняют реалистические [12, р. 75]. Наконец, импрессионистские рассказы говорят скорее не о свойствах объекта или исследователя, а о процессе сбора данных, подробно описывают то, как происходило полевое исследование [12, р. 102]. Ван Маанен призывает не к сокращению, а к увеличению стилей письма, аргументируя это тем, что так можно более точно репрезентировать культуру [12, р. 140].

В то же время Ван Маанен отмечает сложность темы, которой посвящена его книга: «Читать о письме — это все равно, что писать о чтении. Это может заинтересовать нас и, вероятно, развлечь, но обычно это оставляет наши практики нетронутыми, поскольку не связано с ними напрямую [because it is so remote]» [12, р. 141]. Такую же проблему можно сформулировать применительно к другим текстам, рассуждающим об этнографическом письме.

Один из способов обсуждения производства этнографических текстов — рассмотрение их с литературной точки зрения. Это делает Гирц в книге «Антрополог как автор: работы и жизни». Но, заявляя такой подход, он тут же оказывается в слабой позиции, так как начинает анализировать работы антропологов литературоведчески, сам являясь не литературоведом, а антропологом [8].

Этнографы ищут точку равновесия, разумный баланс интроспекции и объективации [12, р. 93], сочетание реалистического и исповедального письма, одновременно пытаются избежать солипсизма и позитивизма [12, р. 138]. Каждая этнография представляет собой выбор соотношения текста, насыщенного присутствием автора, и текста, из которого автор изъят (author-saturated и author-evacuated text) [8, р. 9]).

Современные способы создания этнографии в текстах сочетают рефлексию о понимании и само понимание антропологом другой и своей культуры [14, р. 26]. Наблюдается стремление раскрыть в этнографии условия полевого исследования, что могло бы утвердить авторитет этнографии как науки. Маркус и Кашмен предлагают изучать репрезентацию полевой работы в текстах [14, р. 27]. Они указывают на проблему сосуществования двух видов риторики в одних и тех же текстах. Первый предполагает законченное, самодостаточное объяснение, совпадает с представлением о том, что должна делать антропология как наука, второй же заключается в описании мира как изменчивого, разнообразного, противоречивого [14, р. 45]. Проблематично, что этнографы пытаются обратиться к обоим видам риторики одновременно.

Гирц высказывает аргумент, что в этнографии ключевым для хорошей работы является вовсе не точность описания, не последовательность и согласованность в теоретическом аспекте, а убедительность. Качественная этнография способна произвести не только впечатление, что автор действительно прожил какое-то время в другой культуре, но и что, будь читатель в поле, он увидел и понял бы то же самое, что увидел и понял исследователь [8, р. 16]. То, что качество этнографии определяется убедительностью текста, оставляет множество вопросов к статусу этнографии и тому, как она делается.

Этнографический текст и полевой дневник. Подходы к определению и изучению полевого дневника

Этнография как *занятие* или *деятельность* может быть сведена к тексту, которому предшествует полевая работа. При обсуждении проблемы письма часто цитируется фраза Гирца из его эссе о насыщенном описании: «Чем занимается этнограф? — он записывает» [2, с. 28]. Следовательно, конечный продукт этнографии — это, как правило, текст, предназначенный для чтения и обсуждения в научном сообществе, а может быть, и за его пределами, созданный для публикации.

Ван Маанен представляет этнографическую полевую работу как последовательность уровней текстуализации. Он опирается на понятие текстуализации, обсуждаемое Рикёром: поведение, верования, представления, другие элементы культуры фиксируются, объективируются и становятся доступны анализу только в определенной форме. Процесс анализа зависит не от самих событий, а от их текстуализированной версии, версии «второго порядка», созданной исследователем. Для Ван Маанена важна задача раскрытия процесса текстуализации [12, р. 95–96].

Как производится этнографический текст и какую роль в его производстве играет полевой дневник? Дневник, как пишет Джексон [9, р. 16], служит синекурой полевой работы. Эти записи — не то, чем является поле или объект, но то, во что превращается поле, увиденное глазами исследователя. Полевая работа так или иначе центрирована на этнографе. Она производится им, и материалом для дальнейшей текстуализации служат его записи,

впечатления, память. Дневник, таким образом, — элемент процесса текстуализации, ступень на пути к конечному продукту этнографии, и, коль скоро присутствие автора в тексте становится общим местом, он является средством производства этнографического текста.

Рассмотрим, в каком контексте полевые дневники оказываются предметом исследования или обсуждения и попытаемся внести некоторую ясность в концептуальное определение полевого дневника.

Эмерсон, Фретц и Шоу указывают, что этнографы, пишущие о полевых заметках (fieldnotes), в основном относятся к ним как к данности [6]. Остается нераскрытым сам процесс того, как исследователь записывает свои наблюдения, мысли о происходящем в поле и прожитый опыт. Анализ проводится так, как будто записи уже существуют. Полевые дневники, пишут авторы, часто вообще не считаются серьезным объектом для анализа, их считают слишком личными, неупорядоченными, субъективными и незаконченными. О них трудно и неудобно говорить. Во многом поэтому то, как они пишутся, до сих пор остается недостаточно исследованной темой.

Среди авторов, обсуждающих полевые дневники, заметки, журналы и другие виды записей, нет единогласия по поводу различия этих документов. Рассмотрим некоторые определения полевого дневнику.

Что отличает дневник от других текстов? Можно задать его определение через функциональность. Полевой дневник пишется, во-первых, для того, чтобы зафиксировать и упорядочить происшествия, встречи, наблюдения и впечатления полевой работы. Эту функцию можно условно назвать мнемонической — записи делаются для запоминания. Это важно как в контексте длительного пребывания в поле, так и во время непродолжительных экспедиций, когда каждый день оказывается событийно насыщен, требует внимания к деталям и, соответственно, подробной записи. Однако мнемоническая функция не является специфической. С теми же целями этнограф может собирать, каталогизировать и хранить получаемую информацию в других формах.

Р. Санджек, предлагая словарь полевых документов, вводит следующее различие: «Журналы и дневники — письменные продукты полевой работы, которые служат для *индексальных* и *катартических* целей этнографов» (Ellen, 1984b: 289). «Хронологически сконструированные журналы предоставляют ключ к информации, содержащейся в полевых заметках и записях [records], дневники фиксируют личные реакции этнографа, его разочарования, оценку жизни и работы в поле» [19, p. 108]. Упомянутую им функцию можно обозначить как терапевтическую: дневник — это средство выговориться, исполняющее то, что Дж. Джексон называет «*Malinowskian garbage-can function*» [9, p. 11].

С другой стороны, можно обратиться к смыслу дневника: к тому, чем он является для самих исследователей. Джексон выбирает этот подход, когда проводит интервью с практикующими этнографами и, помимо прочих вопросов, просит их сказать что-нибудь о полевых заметках и дневниках, если им есть, что сказать. Она выясняет, что это предмет, который вызывает множество противоречивых эмоций. Ее исследование оказывается весьма информативным с точки зрения выявления субъективных смыслов, закладываемых в объект антропологами, и открывает интересную перспективу рассмотрения дневника как двойственного и пограничного [9].

Исследование, проведенное Джексоном, многое сообщает о характере отношений, которые выстраиваются между исследователями и их полевыми заметками (она использует

слово fieldnotes — заметки, но, судя по контексту, это понятие охватывает и дневники). По результатам нескольких десятков интервью, проведенных преимущественно с антропологами, она судит о том, как воспринимают свои записи исследователи, и делает вывод об их промежуточном, пограничном положении. Дискурс о полевых дневниках свидетельствует о крайней неоднозначности отношения к ним.

Можно выбрать иную стратегию и попытаться определить дневник через то, чем он является, а не для чего его ведут и для чего к нему обращаются исследователи: рассматривать дневник как текст, обладающий рядом свойств. Эти характеристики имеет смысл заимствовать из литературоведения, где жанр дневника лучше проработан. Тогда мы можем сказать, что дневнику свойственна «фрагментарность, нелинейность, интертекстуальность, авторефлексия, смешение документального и художественного, факта и стиля, принципиальная незавершенность и отсутствие единого замысла» [3].

Обобщим некоторые характеристики полевого дневника: это вид полевых заметок, организованных хронологически; записи полевого дневника не подчиняются строгой логике, им не предзадана структура. В дневнике могут отражаться методологические проблемы, непонимание и сомнения, связанные с ходом исследования, описание трудностей, выражение эмоций. Дневник — место для развернутых нарративов и фрагментарных зарисовок, первичного теоретизирования и формулировки вопросов к данным, отдельных замечаний. Полевой дневник есть переход от наблюдения и действия к знанию в виде текста. Это еще не этнографическое знание, но нечто, необходимое для его получения.

Найджел Раппорт пишет, что дневник — место двойной конвенциональности исследователя, который включен в два сообщества со своими правилами и порядками: локальное сообщество поля и академическое сообщество [18]. Полевой дневник — не только средство дистанцироваться от объекта, переводя полевой опыт в текст, с которым можно работать, но и способ встроиться в поле, через запись упорядочивая события и развивающиеся отношения с информантами. Это способ сконструировать стратегию локализации [18, р. 12]. Раппорт приводит пример из своего полевого опыта, утверждая, что заметки оказали ему значительную помощь. Ведение записей придавало ему уверенности в том, что он знает, что происходит в сообществе: например, он тщательно записывал сплетни, чтобы, если не стать своим, то, по крайней мере, лучше ориентироваться в получаемой информации, знать, что кому говорить, как с кем обращаться. В связи с такой оценкой полевых заметок и наделением их такой функциональностью возникает вопрос о том, в какой роли находится автор записей, когда ведет их.

Р. Ледерман повествует о своем опыте ведения и использования заметок для написания этнографических текстов; ее точка зрения подтверждает выводы Джексона [11]. Она приводит собственное различие своих полевых документов: ежедневные записи, печатные тексты и личный дневник. Дневник не предназначался для публичного доступа, в отличие от других видов записей, и в то же время содержал наиболее понятные сведения — цельные фрагменты повествования и описания. Ледерман старалась записывать мысли по поводу прочитанных текстов, книг и статей, касательно поля, излагать суть событий, которые она выделила как значимые для данного исследования, фиксировать попытки перевода абстрактных понятий в локальный контекст. Как она замечает, дневник дезориентирует, в нем видно слишком много разных точек зрения, так как позиция в ходе исследования менялась. Исследователя смущает неполнота и беспорядочность полевых записей: их перечитывание

вызывает в памяти ошибки и затруднения, когда был сделан выбор ответа на вопросы о том, включать что-то в анализ или не включать, как наблюдать, как интерпретировать. Итоговый анализ для этнографии требует четкого определения что есть что. Наличие полевого дневника и его использование — разные вещи. Первое может успокаивать, придавать уверенность, второе же предполагает столкновение с их противоречивым содержанием и возможностью реинтерпретации.

С. Отпенберг в эссе «Тридцать лет полевых заметок» обращается к своему богатому исследовательскому опыту. Он замечает, что его участие в полевой работе пришлось на то время, когда рефлексивная практика этнографии еще не была распространена: «Мы выросли в позитивистскую эру, когда личные впечатления считались менее важными, чем факты, воспринимаемые как носящие характер реальности, которую современные антропологи находят ошибочной» [16, р. 144]. Поэтому полевые заметки в большой степени носят фактографический характер. В дополнение к такого рода текстам автор вводит категорию «мысленные заметки» (headnotes). Именно в них зафиксированы эмоции, впечатления, догадки, подозрения и сомнения. Мысленные заметки способны оживлять полевые, они запускают процесс интерпретации и позволяют реинтерпретировать записи. Полевые и мысленные заметки вступают в диалог друг с другом.

Работа Дж. Уолфорда представляет собой попытку описать, как ведутся полевые заметки [20]. Он основывается на данных четырех интервью с этнографами, работающими в сфере изучения образования, и приходит к выводу, что практики ведения заметок (например, ведутся записи открыто или нет) различаются в зависимости от ситуации, исследовательского проекта и особенностей этнографа. Добавляет ли это исследование что-то существенное к знанию о том, как и для чего делаются такие записи? Сомнительно.

Любопытна перспектива изучения ведения полевых заметок с точки зрения скрытого знания. Можно предположить, что она задает рамки для анализа, который мог бы дать весьма ценные в плане прояснения характеристик этнографической практики результаты. Н. Вольфингер обращает внимание на то, что в исследованиях, предполагающих наблюдения, часто принципиально гипотезы не формулируются до выхода в поле, поэтому нет определенности в том, что именно наблюдать и как описывать [21]. Вследствие этого в ситуации наблюдения производится множество решений. Это обуславливает необходимость в изучении фонового знания, представлений. Вольфингер различает два типа записей: полевые заметки, которые ведутся по принципу «иерархии выдающихся случаев» (salience hierarchy), и «понимающее» ведение заметок (comprehensive note-taking). Первый тип соответствует выделению наиболее любопытных, показательных случаев, характерных, ярких черт наблюдаемого объекта. Этот способ записи позволяет эксплицировать скрытое знание, делая заметными ситуации, когда происходящее сильно расходится с ожиданиями исследователя. «Понимающее» ведение заметок предполагает, что записи организованы определенным образом, заранее задаются требования к информации, которая будет зафиксирована. Такой способ позволяет анализировать когнитивные структуры — то, как упорядочивается информация.

Книга, которая больше других по своему содержанию напоминает учебник или руководство по ведению полевых заметок, — «Ведение полевых заметок» Эмерсона, Фретц и Шоу [6]. В предисловии к книге утверждается, что для более эффективной полевой работы нужны специальные знания и навыки, которым можно научиться. Авторы подчеркивают, что,

хотя четко прописать все процедуры и невозможно, поскольку не может быть одного правильного, единственно верного способа записи, стоит разработать более систематические принципы записи наблюдений и самонаблюдений исследователя. Формулируются две основные цели: демистифицировать процесс превращения наблюдений и личного опыта исследователя в текст и внести свой вклад в решение проблемы разрыва между рассуждениями об этнографических текстах и практикой этнографии [6, р. 12].

В книге на примерах показано, как можно делать короткие записи-пометки в поле непосредственно во время наблюдения и как потом преобразовать эти записи в развернутый текст. Авторы демонстрируют, какие специальные приемы можно задействовать, чтобы насытить и обогатить описание, не рискуя придерживаться одной субъективной позиции и строить анализ на собственных домыслах.

Таким образом, одни авторы пытаются разработать методику ведения эффективного полевого дневника, другие анализируют значение дневника в полевом исследовании, апеллируя к своему опыту или опыту коллег, кроме того, предпринимаются попытки рассмотреть ведения дневника как элемента культуры этнографов, т.е. этнографически. Можно подойти к феномену дневника и как к средству методологической рефлексии. Впрочем, в работах по исследованию дневников авторам редко когда удается продвинуться дальше выводов об их ситуативном своеобразии, поэтому рассматриваются отдельные случаи, а обобщения обычно не производятся. Свойства дневников остаются в значительной степени скрытыми. В текстах, посвященных дневникам, авторы часто ограничиваются риторическими заключениями, что в некоторой степени делает создание такого рода статей близким ведению дневника. Исследовательское внимание нередко смещается на полевые заметки, что приводит к нехватке информации о специфике феномена *дневника*.

Для научного подхода к изучению полевых заметок и документов до сих пор не выработан адекватный терминологический аппарат, нет достаточно продуманных концептуальных схем и четких способов анализа. Не хватает и удовлетворительно организованной и конструктивной дискуссии по поводу предмета. Все это свидетельствует о недостаточной разработанности темы полевых дневников. На наш взгляд, анализ отношения между разными формами этнографических текстов — перспективное направление, нужное не только для самосознания антропологии, но и для изучения способов производства знания о культуре как таковых. Между тем попытки такого анализа встречаются редко.

Анализ полевых дневников в контексте производства этнографического текста: в поисках альтернативного подхода

Распространение традиции экспериментальной этнографии, которая дает возможность высказаться автору, предоставляет некоторое решение проблемы перевода полевой ситуации в дискурс, доступный читателю. Личные переживания исследователя, связанные с его деятельностью, особенно вызванные столкновением с чужой культурой, сначала могут фиксироваться в полевых дневниках. Для того чтобы понять, как делается этнография, т.е. фактически, как создается знание о культуре, мы можем проанализировать соотношение дневника и итогового текста этнографии как двух сторон деятельности этнографа по текстуализации наблюдаемого мира.

В полевой ситуации происходят некоторые события, которые могут быть письменно зафиксированы разными способами. В центре этой ситуации находится исследователь: через его фокус внимания, интерпретацию, осмысление наблюдаемого нам, как третьим лицам, и является поле. Задача исследователя — целенаправленное изучение чужой культуры, при котором он ориентируется на научность, предполагая в будущем создание некоего текста, отвечающего определенным стандартам. При этом та же полевая ситуация тем же самым человеком в дневнике описывается иначе. Независимо от того, ведется ли полевой дневник с намерением использовать его для последующей методологической рефлексии (осмысления предубеждений, представлений, обстоятельств, повлекших за собой принятие того или иного решения, и т.д.) или нет, он связан с этнографией через поле или объект и фигуру исследователя-автора.

Для дальнейшего анализа этнографических текстов, как промежуточных, так и итоговых, нужен альтернативный подход; подходы, упомянутые выше, дают неудовлетворительные результаты. Мы предлагаем перевести вопрос о производстве этнографического текста в плоскость социологии науки. С нашей точки зрения, этнографический текст можно рассмотреть таким же образом, как социологи науки рассматривают естественнонаучные статьи. Обратимся к одному из исследований, включающих проблему способа конструирования научных текстов и вопрос о значении промежуточных записей в процессе этого конструирования, и рассмотрим подход, который применяет К. Кнорр-Цетина в работе «Производство знания. Эссе о конструктивистской и контекстуальной природе знания» [10]³.

Кнорр-Цетина относится к знанию не как к чему-то, что *обнаруживается* учеными, а как к чему-то, что создается в их практиках. Ее исследование представляет собой этнографию естественнонаучной лаборатории. Ученые обеспечивают ответы на вопросы, которые представляются вопросами о том, что происходит в ходе эксперимента, но на самом деле являются ответами на вопросы как придать смысл происходящему [10, р. 4]. Она заменяет анализ логики научного исследования описанием настоящего процесса исследования. Научные результаты внутренне структурированы тем, что происходит в лаборатории: исследование является цепочкой принятых решений, итогом множества последовательных выборов, включает переговоры, трансляцию, перевод и обсуждение промежуточных продуктов [10, р. 4–5].

Изучать производство знания — значит изучать содержание практического обоснования или рассуждения (reasoning). Для этого, в тех случаях, когда это возможно, Кнорр-Цетина обращается к вербальным проявлениям такого рассуждения. Ее исследование опирается на материалы в виде текстов статей и черновиков этих текстов, лабораторных записей, данных формальных интервью с сотрудниками и результатов наблюдения.

В части исследования, посвященной производству знания в практиках письма, результаты которой изложены в главе «Ученый как литературный аргументатор, или трансформация лабораторной аргументации», Кнорр-Цетина сопоставляет два текста: черновик статьи и ее итоговую версию. Ее интересует то, какие преобразования претерпел текст, что собой представляет изначальный способ изложения и, собственно, научный продукт. Кнорр-

---

³ Сходной тематики касались другие авторы, например: Gilbert N., Mulkay M. *Opening Pandora's box: a sociological analysis of scientists' discourse*. Cambridge : Cambridge University Press, 1984; Latour B. *Pasteur on lactic acid yeast : a partial semiotic analysis // Configurations*. 1993. Vol. 1. № 1. P. 129–146.

Цетина подчеркивает, что написание статьи подразумевает использование определенной литературной стратегии, вопреки тому, что научные тексты считаются сугубо техничными, соответствующими четкой структуре и правилам. Она пишет, что статьи в области естественных наук редко анализируются как литературные продукты, основные выводы существующих исследований ограничиваются выявлением специфической лексики, конструкции и выразительных средств [10, р. 95].

Обращаясь к анализу создания научной статьи, Кнорр-Цетина рассматривает одновременно содержание и форму, практику исследования и репрезентацию исследования в статье. Она приходит к выводу, что через статью происходит трансформация объектов: они конструируются как научные.

Анализируя процесс написания и обсуждения статьи, текст статьи сам по себе и в соотношении с черновиком, Кнорр-Цетина обращает внимание на следующие аспекты:

- свойства логики аргументации (от каких утверждений к каким переходят авторы статьи), в частности, обоснование исследования и выбора метода в тексте статьи, сопоставление аргументации в ходе деятельности ученых в лаборатории и в тексте;
- фигурирование или отсутствие в статье различных акторов;
- основные различия между первым черновиком и итоговой версией статьи;
- изложение методики исследования, подробность описания принятия решений;
- способ обсуждения черновиков статьи (характер и содержание комментариев, реакцию на комментарии).

Согласно результатам исследования Кнорр-Цетины, создание научной статьи — это сложная задача деперсонализации в том плане, что из текста в конечных его версиях постепенно изымаются все признаки принятия решений, сомнения, обоснования в духе обыденной рациональности. Она говорит о «недостатке релевантной контекстуализации»: технические подробности — проблемы, результаты переговоров, которые послужили причиной того или иного выбора материала, длительности опыта, метода — исключены из итогового отчета в процессе его обсуждения и написания.

В этнографии время реалистических стандартов прошло. Тем не менее принцип насыщения текста этнографии авторством не доведен до конца, и происходит поиск баланса между тем, что можно в целом назвать научностью, и нарративом, центрированным на фигуре исследователя. Если, как доказывает в своей этнографии лаборатории Карин Кнорр-Цетина, производство научного знания посредством текста можно определить как процесс последовательной и осознанной деперсонализации, дневник в случае антропологического полевого исследования оказывается таким местом, где совершается наиболее радикальная персонализация. О дневнике как тексте, чрезмерно центрированном на авторе, пишет Р. Барт: «...при всех своих стараниях [в дневнике] я оказываюсь плотным, а мир — бесплотным. Как вести Дневник без эгоизма? Вот это и есть проблема, которая не дает мне его вести (ибо эгоизма с меня и так довольно)» [1, р. 259].

При помощи элементов подхода, предложенного Кнорр-Цетиной для анализа производства научных текстов по результатам деятельности лаборатории, можно исследовать

то, как в этнографических текстах и записях полевых дневников конструируется поле, знание о культуре, как делается рефлексия сбора данных.

Литература

- 1 Барт Р. Дневник // Ролан Барт о Ролане Барте. М. : Ad Marginem / Сталкер, 2002. С. 246–261.
- 2 Гирц К. «Насыщенное описание»: в поисках интерпретативной теории культуры // Интерпретация культур / К. Гирц. М. : РОССПЭН, 2004. С. 9–42.
- 3 Зализняк А. Дневник : к определению жанра // Новое литературное обозрение. 2010. № 106.
- 4 Blackman S. “Hidden Ethnography” : crossing emotional borders in qualitative accounts of young people’s lives // Sociology. 2007. Vol. 41.
- 5 Clifford J. Notes on (Field)notes // Fieldnotes: the makings of anthropology / ed. by R. Sanjek. Cornell University Press, 1990.
- 6 Emerson R., Fretz R., Shaw L. Writing ethnographic fieldnotes. Chicago : The University of Chicago Press, 1995.
- 7 Firth R. Introduction // A Diary in the Strict Sense of the Term / B. Malinowski. Stanford University Press, 1989.
- 8 Geertz C. Works and lives: the anthropologist as author. Stanford University Press, 1989.
- 9 Jackson J. “Deja Entendu”: the liminal qualities of anthropological fieldnotes // Journal of Contemporary Ethnography. 1990. Vol. 19. № 1. P. 8–43.
- 10 Knorr-Cetina K. The manufacture of knowledge e: an essay on the constructivist and contextual nature of science. Pergamon Press, 1981.
- 11 Lederman R. Pretexts for ethnography. On Reading Fieldnotes // Fieldnotes: The Makings of Anthropology / ed. by R. Sanjek. Cornell University Press, 1990.
- 12 Maanen J. Van. Tales of the field : on writing ethnography. Chicago : University of Chicago Press, 1988.
- 13 Malinowski B. A diary in the strict sense of the term. Stanford University Press, 1989.
- 14 Marcus G., Cushman D. Ethnographies as texts // Annual Review of Anthropology. 1982. Vol. 11. P. 25–69.
- 15 Newbury D. Diaries and fieldnotes in the research process // Research Issues in Art Design and Media. 2001. No 1. 2001.
- 16 Ottenberg S. Thirty years of fieldnotes // Fieldnotes : the makings of anthropology / ed. by R. Sanjek. Cornell University Press, 1990.
- 17 Pratt M. L. Fieldwork in common places // Writing culture : poetics and politics of ethnography / ed. by J. Clifford, G. E. Marcus. 1986.
- 18 Rapport N. Writing gielnotes : the conventionalities of note-taking and taking note in the field // Anthropology Today. 1991. Vol. 7. No. 1. P. 10–13.
- 19 Sanjek R. A vocabulary for fieldnotes // Fieldnotes : the makings of anthropology / ed. by R. Sanjek. Cornell University Press, 1990.
- 20 Walford G. The practice of writing ethnographic fieldnotes // Ethnography and Education. 2009. Vol. 4. Issue 2. P. 117–130.

- 21 Wolfinger N. On writing fieldnotes : collection strategies and background expectancies // Qualitative Research. 2002. Vol. 2 (1). P. 85–95.